

Новые возможности для описания книжных знаков в «Галерее экслибрисов» НБ РК

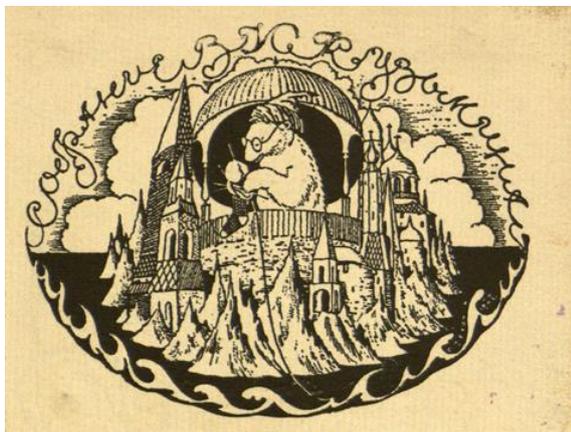
С «Галереей экслибрисов» – одной из самых ярких страниц сайта «Книжные памятники Карелии» – большинство наших читателей знакомы уже давно. Восемь лет назад, в начале 2011 года, на сайте Национальной библиотеки Республики Карелия впервые появился этот раздел, который сразу привлек общее внимание и скоро занял свое место в ряду самых успешных информационных продуктов нашей библиотеки.

Чрезвычайно отрадным явлением оказалась жизнеспособность молодого ресурса. Очень небольшой процент подобных известных нам проектов на сайтах российских библиотек после своего создания продолжает поддерживаться своими разработчиками, даже если для этого есть все технические возможности (ряд библиотек выбрали для презентации своих коллекций книжных знаков форму изданий, в том числе и электронных изданий, пополнять или редактировать которые практически невозможно). В отличие от коллег, вынужденных довольствоваться описаниями лишь наиболее эффектных и известных либо, напротив, своих местных книжных знаков (последние имеют безусловный интерес для истории края и живших в нем людей), Национальная библиотека Карелии сделала свой электронный ресурс плановым проектом, в системе наполняя его всё новыми и новыми описаниями. Разработчики «Галереи экслибрисов» ежегодно подгружают на сайт не менее пятнадцати свежих описаний, постоянно редактирую, а иногда и переписывая заново целые страницы, делая сноски на вновь вышедшие каталоги или найденные в Интернете материалы. В 2010-х годах были атрибутированы и описаны экслибрис Николая Максимилиановича Гамильтона, рисунок для которого сделал Сергей Чехонин в 1923 году, суперэклибрис примаса польского королевства Яна Габриэля Подоского (1719-1777) на экземпляре исторического атласа Франции Г. Рицци-Заннони (Париж, 1765), экслибрис и оттиск штампа конгревного тиснения советского искусствоведа и коллекционера Эриха Голлербаха, наконец-то прочитан смазанный штамп казанского купца и библиофила Дмитрия Илариевича Образцова на одном из томов «Истории Российской» М. Щербатова (СПб., 1783), атрибутирован по каталогу Т.В. Гребенюк суперэклибрис князя Ивана Андреевича Вяземского, деда поэта Петра Андреевича Вяземского, на другом томе того же сочинения М. Щербатова (СПб., 1770). Наконец, самым последним крупным успехом для разработчиков «Галереи» стало подтверждение высказанного в 2006 году Е.З. Панченко и поддержанного знатоком русского гербового суперэклибриса П.А. Дружининым мнения о принадлежности двух

суперэкслибрисов библиотеки Сумароковых бывшему гренадеру, а впоследствии летописцу города Костромы Николаю Степановичу Сумарокову (1727-1812). Лишь благодаря тому, что на двух хранящихся в НБ РК томах так называемой «Медной Библии»¹ Иоганна Якоба Шейхцера суперэкслибрисы Сумароковых были дополнены другим владельческим знаком – надписью «Сия книга Маланьи Сумороковой принадлежит», – оказалось возможным безоговорочно атрибутировать их Николаю Степановичу Сумарокову, женатому на Меланье Ивановне Сумароковой, в девичестве Олсуфьевой².

Сочетание книжного знака – экслибриса или оттиска владельческого штампа – с рукописными пометами, имеющимися на экземпляре, может оказаться источником бесценных сведений о владельце этого знака и задать направление для дальнейшего поиска в тех, увы, нередких случаях, когда никакими другими сведениями о нем мы не располагаем. Продemonстрируем это на одном примере.

В 2013 или 2014 годах в «Галерее экслибрисов» появилось описание необычного экслибриса, найденного нами на множестве номеров из комплекта журнала «Старые годы» за 1907-1916 гг. На цинкографированном знаке был изображен медведь в берете и очках, мирно вяжущий носок в сказочном городе на острове посреди моря. Над рисунком вилась надпись «Собрание В.И. Кузьмина». К сожалению, тогда никаких других сведений об этом человеке нам разыскать не удалось, и экслибрис, хоть и не попал в раздел «Неизвестные», так и остался без даже самой лаконичной биографической справки о своем владельце.

Вернувшись к редактированию этого описания летом 2018 года, в попытке найти что-то новое о В.И. Кузьмине мы обратились на портал Государственного каталога Музейного фонда РФ, где в разделе «Графика» обнаружили несколько сканированных копий интересующего нас экслибриса, размещенных в каталоге различными музеями, в фонде которых он имелся. Благодаря этому мы наконец узнали имя автора нашего книжного знака, которым оказался не кто иной, как один из самых известных русских художников-графиков

¹ Издание на немецком языке в оригинале носит название «Kupfer-Bibel, inwelcherdiePhysicasacra, oderGeheiligteNatur-WissenschaftdererinHeil. SchriftvorkommendennatürlichenSachen...»; НБ РК принадлежат экземпляры лишь первых двух томов четырехтомника, изданные в 1731 г. в Аугсбурге.

² Об этой находке нами был сделан доклад «Суперэкслибрис Н.С. Сумарокова из собрания Национальной библиотеки Республики Карелия» на IV межрегиональной научно-практической конференции «Книжные собрания Русского Севера», проходившей в Архангельске в октябре 2018 г.

первой половины XX века, член художественного объединения «Мир искусства», автор целого ряда других экслибрисов 1920-х годов Сергей Васильевич Чехонин. При внимательном изучении на экслибрисе Кузьмина даже читались подпись художника и год создания экслибриса (1927-й), сделанные мельчайшим, почти неразличимым шрифтом на фоне волн в нижней правой части знака. Это было очень существенное дополнение к описанию экслибриса на нашем сайте, которое, увы, ничего нового о личности его владельца нам не дало: среди описаний в различных каталогах экслибрисов работы С.В. Чехонина нашего не оказалось.

Тогда же, летом 2018 года, автор этой статьи вводила в электронный каталог библиотеки библиографические записи на статьи из журнала «Старые годы», наш комплект которого, как сказано выше, некогда принадлежал В.И. Кузьмину. Неожиданно для себя в январском номере журнала за 1912 год на листе папиросной бумаги, прикрывающем репродукцию портрета виконта Александра Богарне кисти французского живописца Мари Жозефа Вьена (1717-1809), я прочла следующую надпись карандашом: «Означенный портрет пострадал в 1929-33 годах и был отдан реставратору М.В. Сосновскому в 1937 г., но до сих пор еще не возвращен. В. Кузьмин. 1.XI.1939 г. Фонтанка, 53, 22». Таким образом мы узнали, что владелец экслибриса жил в конце 1930-х годов в Ленинграде по указанному адресу и, возможно, занимался коллекционированием живописи. К нашему удивлению, поиск в адресной и справочной книге Ленинграда за 1930-е годы ничего не дал: ни в одном из этих ежегодных справочников В.И. Кузьмин по адресу Фонтанка, 53 зарегистрирован не был.

Вторая и последняя надпись В.И. Кузьмина встретила нас на странице строенного номера «Старых годов» за июль-сентябрь 1913 года. Напротив названия одной из картин, проданных по желанию императора Николая Павловича в середине XIX века из собрания Эрмитажа, была сделана карандашная надпись уже знакомым нам почерком: «Приобр[етена] мною в 1927 г. у Куприянова (маклака³)», далее следует краткая подпись Кузьмина. Там же коллекционер переводит размеры картины из старой метрической системы (аршины и вершки) в новую (сантиметры). Интересно было проследить, о какой картине идет речь. Мы теперь знали, как она попала к Кузьмину, но что с нею стало потом? В статье Н.Н. Врангеля в журнале «Старые годы» она названа «Пророк Елисей с Нааманом» «Рембрантовой школы»⁴. Все известные ее упоминания в каталогах собраны в диссертации Елены Рис «EremitageausBerlin»⁵, откуда мы и почерпнули приводимые ниже сведения. Картина «Пророк Елисей и Нееман» была написана в 1635 году голландским художником Якобсом Ламбертом (1598-1636). Она входила в собрание Императорского Эрмитажа еще в XVIII

³ Это устаревшее слово обозначает посредника при мелких торговых сделках или торговца подержанными вещами.

⁴ Врангель, Н.Н. Искусство и государь Николай Павлович / барон Н. Врангель // Старые годы. – 1913. – Июль-сент. – С. 162.

⁵ Ris, E. Eremitage aus Berlin: die Gemäldesammlung von Johann Ernst Gotzkowsky als Grundstock der Bildergalerie der russischen Zarin Katharina II in St. Petersburg. B. 1/ vorgelegt von Elena Ris. – Berlin, 2016. – S. 154-156, № 68.

веке, но в XIX веке по повелению Николая I была из него исключена, продана в 1855 году неизвестному покупателю и до 1945 года находилась в частном владении. В 1945 году картина вновь была приобретена Эрмитажем, где ныне и хранится под номером ГЭ-8677. Отправленный нами в Эрмитаж запрос об источнике поступления картины Ламберта в 1945 году, к сожалению, ничего нового не принес: хранитель Отдела западноевропейского искусства могла лишь сообщить, что полотно было приобретено в музейное собрание из «Ювелирторга».

Тем не менее, наше предположение о роде занятий владельца экслибриса подтвердилось. Очевидно, что В.И. Кузьмин был одним из ленинградских коллекционеров живописи 1920-х – 1930-х годов, что, кстати, объясняет и принадлежность ему комплекта журнала «Старые годы» – лучшего искусствоведческого периодического издания России начала XX века. Прекрасная сохранность журнала, его красивые владельческие переплеты с золотым тиснением «В.К.» на корешке тоже, безусловно, характеризуют наклонности и вкус владельца нашего экслибриса.

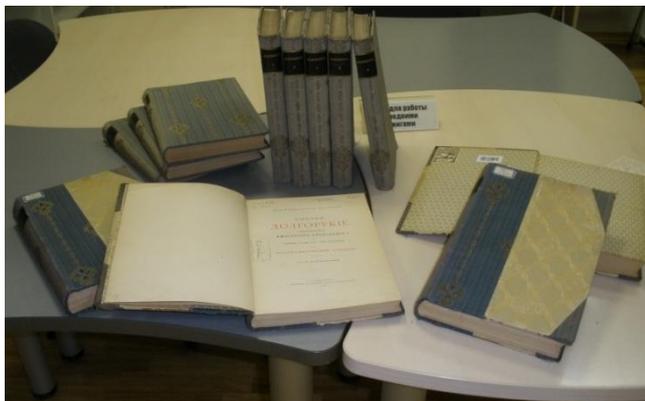
Даже во время этого поиска, пускай и не увенчавшегося успехом, мы не могли не обратить внимание на те новые возможности, которые предоставляют для сбора информации о владельцах книжных знаков современные средства связи. Не говоря уж о коллегах из других библиотек, но и сотрудники Государственного Эрмитажа, и частные лица, такие специалисты, как коллекционер экслибрисов, тульский библиофил Эдуард Данилович Гетманский с участием и интересом откликались на наши просьбы, делая все возможное, чтобы помочь нам в поиске.

В некоторых случаях эта сильно упростившаяся в последнее время связь между людьми принесла удивительные плоды, и одним из самых первых удачных опытов в этом роде стал для нас сбор биографических данных о владельце еще одного экслибриса – Д.С. Левине.

Красивый экслибрис с изображением яблони и надписью в дореформенной орфографии «Из книг Д.С. Левина» давно уже привлек наше внимание.

Все отмеченные им книги в нашем фонде (семь томов из собрания сочинений М.Е. Салтыкова-Щедрина 1889-1890 годов, три тома монографии великого князя Николая Михайловича «Граф П.А. Строганов», изданной в 1903 году, и его же исследование 1901 года «Князья Долгорукие, сподвижники императора Александра I в первые годы его царствования») были единообразно переплетены владельцем. Картонные крышки переплетов собрания сочинений Салтыкова-Щедрина были покрыты тканью серо-синего (некогда, очевидно, темно-синего) цвета с узорами, вытканными золотой нитью, а на переплетах изданий сочинений великого князя та же ткань комбинировалась с бумагой светло-желтого цвета с тиснением.

Довольно легко оказалось установить автора экслибриса – им оказался ленинградский книжный график, каллиграф и шрифтовик Александр Николаевич Лео (1868-1943). Художник создал около десятка экслибрисов – для коллекционера и исследователя этого книжного знака М.Я. Лермана, искусствоведа, критика и библиофила Э.Ф. Голлербаха, историка книгопечатания И. Д. Галактионова и... для никому не известного Д.С. Левина.

Поиски привели нас к единственному человеку с таким именем, жившему в Петербурге – Петрограде – Ленинграде в одно время с А.Н. Лео, который перебрался в Петербург из

Москвы в 1896 году. Давид Самойлович Левин (1891-1929) не был ни известным литератором, ни художником, ни критиком, но по воле случая оказался хорошим знакомым и даже весьма важным человеком в жизни таких корифеев русской литературы, как Александр Блок и Николай Гумилев. Дело в том, что с 1919 года он заведовал хозяйственно-техническим отделом издательства «Всемирная литература», снабжая его сотрудников продовольствием и топливом. В собрании Пушкинского Дома хранится так называемый «дровяной» альбом Д.С. Левина, в которой «вселитовцы» и люди их круга – А.А. Блок, К.И. Чуковский, Н.С. Гумилев, М.А. Кузмин, Н.О. Лернер, Ф. Сологуб и другие – в холодную зиму 1919/1920 годов писали свои шуточные экспромты о дровах и не только, в котором делали рисунки-шаржи художники Ю.П. Анненков и Н.Э. Радлов⁶. В этом альбоме можно встретить стихотворение-анжаман, казалось бы, так не склонного к пародийности, «серьезного» поэта Александра Блока:

«Давид Самуилыч! Едва
Альбом завели – голова
Пойдет у Вас кругом: не раз и не два
Здесь будут писаться слова:
”Дрова”».

А шутка Николая Гумилева, начинающаяся словами «Левин, Левин, ты суров, // Мы без дров...», даже в период хрущевской оттепели была изъята цензором из готовящихся в 1967 году к публикации стихов «дровяного» альбома – не помогла даже подмена «дерзостной четвертой строки», затеянная публикатором для того, чтобы стихотворение опального поэта увидело свет.

Публикацией стихов из «дровяного» альбома занимался сын его владельца – литературовед, сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) Юрий Давидович Левин (1920-2006). Рано потеряв отца, он приложил много усилий для того, чтобы ввести в научный оборот автографы поэтов из семейного архива, а незадолго до своей смерти передал сам альбом в Рукописный отдел Пушкинского Дома. Кстати заметим, что и сам Юрий Давидович вскользь был упомянут на страницах «дровяного» альбома. Пушкинист Н.О. Лернер, которому принадлежит первое в альбоме стихотворение от 7(20) ноября 1919 года, начал свое посвящение Давиду Самойловичу так:

«Я открываю Ваш альбом,
Любезнейший товарищ Левин,
Моим хромающим стихом

---

⁶ «Дровяной» альбом опубликован в «Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома», см.: Альбом Д.С. Левина как элемент литературного быта Петрограда в первые годы Советской власти / публ. Д.М. Климовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005-2006 гг. – СПб., 2009. – С. 756-796.

(Ведь Левин в критике не гневен?).

Желаю Вам еще сто лет

Командовать конторой нашей,

Есть каждый день мясной обед

И поскорее стать папашей».

11 февраля 1920 года у Давида Самойловича родился сын Юрий, на скорое появление которого и намекал Николай Лернер.

Все эти факты были нам известны, но главный вопрос – принадлежал ли экслибрис работы А.Н. Лео именно Давиду Самойловичу Левину? – оставался открытым. Ответить на него, казалось, было некому: не только Давида Самойловича, но и Юрия Давидовича Левиных уже не было в живых. Смущал нас и тот факт, что надпись на экслибрисе была сделана в старой орфографии «Изъ книгъ Д.С. Левина». Впрочем, из описаний экслибриса нам была известна дата его создания Александром Лео – 1919 год. Реформа орфографии 1918 года не могла заставить людей, всю жизнь писавших после твердого согласного на конце слова «ер», моментально от него отказаться, поэтому вполне понятно и его сохранение на экслибрисе Левина.

На свой страх и риск мы обратились к вдове Ю.Д. Левина, заведующей Отделом русской литературы XVIII века Пушкинского Дома Наталье Дмитриевне Кочетковой, которая не только подтвердила принадлежность экслибриса Давиду Самойловичу Левину, но, используя в качестве ориентира присланные нами фотографии переплетов экземпляров НБ РК, даже обнаружила в своей домашней библиотеке семнадцать книг, имеющих сходные с нашими переплеты. Все эти издания сочинений русских литераторов XVIII-XIX веков также были отмечены экслибрисом Д.С. Левина на форзаце.

На этот раз поиск владельца экслибриса не просто оказался успешным – благодаря ему мы не только удовлетворили свое любопытство и интерес посетителей «Галереи экслибрисов», но и хотя бы отчасти помогли родственникам Д.С. Левина реконструировать его личную библиотеку. По словам Н.Д. Кочетковой, вполне возможно, что книги с экслибрисом работы А.Н. Лео со временем еще будут обнаружены на экземплярах из обширного собрания книг Ю.Д. Левина, переданного ею в Отдел взаимосвязей Пушкинского Дома, где работал Юрий Давидович. Наталья Дмитриевна предположила также, каким образом могли попасть книги Д.С. Левина из Ленинграда в Петрозаводск: жена Давида Самойловича, оставшись после смерти мужа с двумя детьми на руках, пережившая блокаду, возможно, была вынуждена продать часть книг. Вероятность такого предположения подтверждается тем, что наши экземпляры сочинений великого князя Николая Михайловича были приобретены библиотекой после Великой Отечественной войны через «Академкнигу»,

а собрание сочинений Салтыкова-Щедрина куплено в декабре 1952 года в антикварном магазине.

Не менее захватывающей оказалась история поиска сведений о владельце еще одного экслибриса из собрания НБ РК. На сборнике «Графическое искусство в СССР, 1917–Х–1927», изданном в Ленинграде в 1927 году, нами был обнаружен экслибрис некоего Б. Крутецкого. Изображение на нем сразу заинтриговало создателей «Галереи»: под надписью «Exlibris Б. Крутецкого» осьминог обвивал стопку книг на фоне «Медного всадника».

Кроме того, что книжный знак безусловно принадлежал ленинградцу, никаких сведений о его владельце изначально в «Галерее экслибрисов» мы сообщить своим читателям не могли.

Вернувшись к редактированию описания экслибриса осенью 2018 года, мы снова обратились на портал Государственного каталога Музейного фонда РФ, где нашли единственное оцифрованное изображение этого знака, принадлежащего музею-заповеднику «Петергоф». Там же был указан автор экслибриса – Т.Э. Визель – и уточнено имя владельца – Борис Крутецкий. Время создания книжного знака специалисты музея определили приблизительно 1930-1950 годами. В адресной и справочной книге «Весь Ленинград» за 1934 год мы нашли указание на то, что Борис Александрович Крутецкий проживал в это время на ул. Марата в доме 44, но снова вставал вопрос: тот ли это был человек, что нам нужен, была ли у него собственная библиотека и ему ли принадлежал экслибрис с осьминогом?

Оказавшись в тупике, мы решили попробовать зайти с другого конца и навести справки о художнике, авторе экслибриса. Им оказалась ленинградский график, театральный художник Татьяна Эмильевна Визель (1904-1976). Татьяна Эмильевна происходила из художественной династии, самым известным представителем которой был ее отец, живописец Эмиль Оскарович Визель, академик Императорской Академии художеств и хранитель

академического музея, а после революции член совета Эрмитажа и Русского музея. Интересной оказалась судьба Татьяны Эмильевны, которая не только создала декорации к двум десяткам спектаклей, рисовала для журналов «Красная панорама», «Рабочий и театр», но и входила в 1942-1945 годах в группу добровольцев-альпинистов, маскировавших шпили Петропавловской крепости и Адмиралтейства, купола Никольского собора и другие высотные объекты города (для того, чтобы их позолота не служила ориентиром для немецкой авиации, добровольцы окутывали их мешковиной). Однако более всего привлекла наше внимание работа Т.Э. Визель над экслибрисами. Ей были обязаны своим происхождением книжные знаки скульптора Н.Ф. Вальдмана, ученого и изобретателя И.Б. Синани, пианиста В.В. Софроницкого, театроведа А.А. Барташевича и других деятелей науки и культуры Ленинграда. Если бы нам удалось найти какую-то связь между двумя ленинградцами – Т.Э. Визель и Б.А. Крутецким, то последний с большой долей вероятности и оказался бы интересующим нас человеком, для которого Татьяна Эмильевна сделала рисунок с осьминогом.

Поиск в Интернете вывел нас на статью трехлетней давности, по случайности имевшую непосредственное отношение к Карелии. На портале газеты «Санкт-Петербургские ведомости» была размещена статья М. Елисейевой «Я не останусь без вести пропавшим», опубликованная 10 ноября 2015 года. В ней рассказывалась удивительная история о том, как летом того же года карельскими поисковиками недалеко от деревни Сяндеба в Олонецком районе были обнаружены останки погибшего в 1941 году советского солдата. Благодаря чудом сохранившейся в его медальоне записке удалось точно установить имя и адрес погибшего: Борис Александрович Крутецкий, проживавший до войны в Ленинграде по адресу ул. Марата, 44. Розыски родственников, которым можно было бы сообщить о находке, занял два месяца, но в результате члены поискового отряда «Патриот» все-таки вышли на след эвакуированной из блокадного Ленинграда семьи Б.А. Крутецкого. Биографию отца рассказала автору статьи старшая дочь Бориса Александровича – Ирина Борисовна Харитонова, в девичестве Крутецкая.

Ленинградец Борис Александрович Крутецкий (1906-1941) до войны работал учителем русского языка и литературы в средней школе № 308 на Бородинской улице, был завучем школы. В июле 1941 года он вместе со своими выпускниками-десятиклассниками записался в народное ополчение и ушел на фронт добровольцем, хотя из-за сильной близорукости не подлежал мобилизации. Он воевал в составе 3-й (Фрунзенской) дивизии народного ополчения в Карелии, но после нескольких писем с фронта связь его с семьей прервалась. В течение 74 лет, до лета 2015 года, Борис Александрович считался пропавшим без вести, многолетние поиски и запросы его дочерей десятилетия оставались без ответа. Теперь погибший в августе 1941 года ополченец был похоронен в мемориале «Алёша» у д. Сяндеба.

Мы не могли упустить такой случай и через социальные сети связались с Ириной Борисовной, которая, даже не видя еще экслибриса, сразу ответила на наш вопрос, что у ее отца «было много книг, и почти на всех был наклеен экслибрис – осьминог, а рисовала его близкий друг нашей семьи Татьяна Эмилиевна Визель». По словам И.Б. Харитоновой, история создания экслибриса восходит к середине 1920-х годов (то есть он появился раньше, чем предположили сотрудники музея «Петергоф»), когда при филологическом факультете Ленинградского государственного университета восемь студентов, и Борис Крутецкий в их числе, начали издавать рукописный журнал «Осьминог» (по числу сотрудников). Тогда-то Татьяна Визель и нарисовала для Бориса Александровича экслибрис, на котором были изображены восемь книг и лежащий на них осьминог, а на заднем плане – «Медный всадник» как символ города. И.Б. Харитонova вспоминает: «Сначала его, видимо, папа наклеивал только на журнал (несколько его номеров до сих пор хранятся у сестры), а потом напечатал большое количество и стал наклеивать почти на все книги, которые у него были». К сожалению, позднее вся большая библиотека Бориса Александровича, насчитывавшая несколько тысяч томов, пропала во время войны, пока его семья находилась в эвакуации.

Нам кажется, что приведенных примеров довольно для демонстрации важности нелинейного биографического поиска для всех сотрудников библиотек или музеев, чья деятельность связана с бытованием экземпляра книги. Наше время предоставляет поистине неограниченные возможности для установления безымянных владельцев книжных знаков, для воссоздания библиофильских коллекций. К счастью, еще не слишком поздно, пока живы те, кто лично знал владельцев той или иной библиотеки, кто помнит и может рассказать о них самих и об их собраниях, и мы призываем наших коллег не упускать этой уникальной возможности.